

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ И ЖАНРОВАЯ ПОЭТИКА ПРОЗЫ НИНЫ ГОРЛАНОВОЙ¹

Марина Петровна Абашева

д. филол. н., профессор кафедры новейшей русской литературы

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. m.abasheva@gmail.com

Юлия Юрьевна Даниленко

к. филол. н., доцент кафедры новейшей русской литературы

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. danilenko.juli@mail.ru

Анастасия Леонидовна Есаева

аспирант кафедры новейшей русской литературы

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. nastyaesaeva@mail.ru

В настоящей статье творчество пермской писательницы Нины Горлановой рассматривается в русле одной из самых заметных тенденций современного литературного процесса – нового осмысления писателями христианской, православной проблематики в изменившейся социокультурной ситуации. Христианские мотивы творчества Н. Горлановой анализируются в контексте поэтики и эволюции творческого метода писательницы: тема христианской веры выстраивается в сквозной сюжет «исследования веры» и определяет перемены в мировоззрении автора. Прослеживается установка на традиционные жанры церковной литературы (исповедь, молитва, житие).

Ключевые слова: христианская проблематика в литературе; современная проза; Нина Горланова; жанровая поэтика.

В последнее десятилетие в современной литературе и культуре в целом актуализируется христианская тематика. Эта проблема имеет большую историю. Классическая русская литература XIX в. традиционно была связана с христианством: христианская проблематика пронизывает творчество Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, И. С. Шмелева, Л. Андреева и др. Отечественные литературоведы и философы активно осмыслили влияние христианства на русскую литературу. Об этом в разное время писали Н. А. Бердяев, Г. В. Флоровский, К. В. Мочульский, В. В. Зеньковский, И. А. Ильин (см. работы: [Бердяев 1990, 1993; Флоровский 1990; Мочульский 2000; Зеньковский 2005; Ильин 1991]).

В годы советской цензуры религиозная проблематика, естественно, влияла на литературу, но не в прямых экспликациях, а в скрытых, опосредованных формах. Соответственно, и литературоведы открыто не анализировали смыслы, порой намеренно скрытые.

Новый уровень литературоведческого осмысления христианской тематики в литературе стал возможен с начала 1990-х гг. В 1991 г. Ю. М. Лотман публикует статью «Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция» [Лотман 1993], в которой обосновывает генетическую связь русской литературы с христианством, доказывая, что в этом есть принципиальное отличие русской литературы от западной.

В 1990-х гг. формируются новые научные школы, нацеленные на исследование проблем взаимосвязи религии и литературы: Петрозаводский государственный университет и Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом)². Так возобновляется традиция отечественного литературоведения – изучение русской словесности во взаимосвязи с христианской этикой. Предметом исследования становится прежде всего классическая русская литература, но работы, касающиеся современной литературы, практиче-

ски отсутствуют. Среди немногих исключений – статья Елены Степанян «"Это мы, Господи". О дилетантах, профессионалах и мировом холоде» [Степанян 2010], посвященная анализу текстов Л. Улицкой, М. Кучерской, Ю. Малецкого³.

С постепенным возрождением в обществе традиций христианской культуры в искусстве явно наметилась тенденция к актуализации религиозной тематики⁴, причем явно востребованная и экспертным, и читательским сообществом, – об этом свидетельствует, в частности, институт литературных премий. Писательница Олеся Николаева, выступая в 2009 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова на круглом столе «Христианские ценности в современном мире», отметила: «За последние годы самые лучшие и престижные литературные премии (не за профессиональную принадлежность, а за художественные достоинства) получали в основном поэты и писатели православные. Это Олег Чухонцев, Тимур Кибиров, Инна Веснянская, Алексей Варламов, Михаил Бутов, совсем недавно – Елена Чижова» [Христианские ценности и современная литература 2009]. Действительно, роман 2002 г. «Лавра» Елены Чижовой в 2003 г. попадает в шорт-лист Русского Букера, «Современный патерик. Чтение для впавших в уныние» Майи Кучерской получает «Бунинскую премию» за 2006 г., в 2012 г. финалистом премии «Большая книга» становится книга архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые».

Пермская писательница Нина Горланова – достаточно популярный российский автор, в целом, не обделенный вниманием литературной критики, тем не менее, важные для нее самой и ее текстов аспекты, связанные с обретением веры и вопросами христианства, не изучались до сих пор критикой и литературоведением.

Цель настоящей работы – определить значение темы христианства в произведениях пермской писательницы, проследить его влияние на проблематику и поэтику прозы Н. Горлановой.

Очевидно, что христианские мотивы стали входить в структуру текстов автора, т.е. тематизироваться. В настоящей работе мы будем понимать термин «мотив» вслед за Б. В. Томашевским: «Понятие темы есть понятие суммирующее, объединяющее словесный материал произведения. Тема может быть у всего произведения, и в то же время каждая часть произведения обладает своей темой. <...> Тема неразложимой части произведения называется мотивом» [Томашевский 1931: 136–137].

Материалом нашего изучения служат художественные тексты Н. Горлановой, в которых явлена христианская проблематика: «Рассказы о

чудесах» (1998), «Закажите молебен просительный» (2001), повесть «Коса с небес» (2002), роман «Нельзя. Можно. Нельзя» (2002), рассказы «Чур» (2005), «Акушерочка» (2006), «Повесть Журнала Живаго» (2009).

Исследование этих текстов – непростая и деликатная задача – в частности, потому, что в прозе Н. Горлановой предметом изображения становится, как правило, личный опыт самого автора, о чем прямо говорит писательница и в своих произведениях, и в интервью. В уже упомянутой нами статье Е. Степанян о христианских мотивах в современной прозе дано очень точное определение направленности современной литературы, связанной с проблематикой православия, – к «свободе исследования веры» [Степанян 2010].

Объединяющим началом для названных текстов Горлановой становится опыт обретения веры писательницей, повлекший за собой изменение мировоззрения. Позицию верующего человека Н. Горланова обозначила в рассказе «За грехи мои» (1998). Та же ситуация обретения веры, спустя несколько лет, будет снова воспроизведена в автобиографическом романе «Нельзя. Можно. Нельзя» (2002). В нем рассказчица повествует о первом и главном чуде в собственной жизни. Эффект достоверности достигается искренностью интонации: «Лежу я ночью в корчах, и сил уже нет выносить шквал боли. И тут я обратилась к Богу: "Если Ты есть, помоги!". В ту же минуту дверь в палату открывается – входит дежурный врач. "Как вы?" – "Хотела в окно выброситься уже..." И он сказал сестре: "Сделайте укол промедола – я распишусь". Он есть! И я уверовала раз и навсегда, горячо и глубоко! Все СРАЗУ изменилось вокруг: <...> мир стал един. И всюду Бог!» [Горланова 2002б: 38].

С момента обращения в веру писательница придерживается христианских ценностей и в творчестве выстраивает систему добровольных запретов, тем самым словно декларируя свою авторскую позицию. В рубричном произведении – автобиографическом романе «Нельзя. Можно. Нельзя» (2002) – факт обретения веры осмысливается уже на новом уровне, как инициация, обретение себя в новом качестве, выход на новый этап свободы. Это переходный и отчасти переломный момент в мировоззрении, поскольку «...сюжет романа-монолога может прочитываться как <...> принципиальная, осознанная переменна властных инстанций: акт перемены миропонимания и становится в романе Горлановой завершением, обретением подлинной личности» [Абашева 2003].

В последующих текстах писательницы так или иначе проявляется влияние православия, формируется единый метасюжет, который можно, вслед за Е. Степанян, условно обозначить как «исследование веры». Существовая в новой системе координат, Н. Горланова в своих произведениях осмысляет постулаты веры, словно испытывая на прочность собственные убеждения. Предметом осмысления становятся «чудеса» православной веры, возможности, открывающиеся человеку верующему («Коса с небес», «Закажите молебен просительный»). Истории героев преломляются через призму христианского сознания («Повесть о герое Василии и подвижнице Серафиме», «Коса с небес», «Чур»).

Рассмотрим подробнее рассказ «Закажите молебен просительный» (2002). В основе сюжета лежит история христианского чуда – чуда обретения семьи. Фраза, вынесенная в заглавие и содержащая глагол в повелительном наклонении, звучит как призыв, предложение, даже наставление. Писательница максимально объективирует повествование, передавая рассказчику роль ведущей повествовательной инстанции (от третьего лица). Текст, кажется, призван разъяснить, как на проповеди, на конкретном примере сложную жизненную ситуацию. Фраза, начинающая рассказ: «Закажите молебен просительный» [Горланова 2002а], сразу вводит читателя в живую речевую ситуацию, создает эффект достоверности. На самом деле эта фраза и есть весь рассказ, весь сюжет. Дальнейшее развитие действия будет представлять собою реализацию этого алгоритма, сжатой формулы. Елена, православная христианка, работающая в церковном киоске в универсаме, дает совет о заказе молебна своей коллеге Вере, страдающей от отсутствия личного счастья, любимого человека и семьи, в создании которой она видит смысл и полноту жизни. Для Веры, главной героини, реплика ее собеседницы сначала не более чем набор слов, незнакомых, но магически завораживающих своей красотой и ритмом: «Закажите молебен просительный. – Это стихи? – спросила Вера Михайловна» [там же]. Как носители разных систем ценностей, героини не понимают друг друга. Овладению законами новой системы координат будет подчинен весь последующий ход событий.

Загадочная фраза оказывается не стихами, а советом, своеобразной формулой обретения счастья, которым воспользовалась однажды и сама Елена: «Я сама четыре года назад заказывала...» [там же]. Причем действенность этого чудесного способа обозначается сразу: читатель узнает, что у Елены счастливая семья, растут дети от вдруг «посланного по молебну» мужа, налаживается

жизнь. Вера, от безнадежности своей одинокой жизни желавшая уйти в монастырь, хватается за предложенный способ обрести семью как за действительно возможный, старательно записывает «рецепт счастья» пока как совершенно странный, неведомый ей набор действий: «В церкви закажите молебен просительный о создании семьи Иисусу Христу, Божией Матери, святому Николаю Чудотворцу, святым Кириллу и Марии – это родители Сергия Радонежского Чудотворца... Затем – святым Петру и Февронии. Ну, вашей святой и Ангелу Хранителю. – Записала. И это все?» [там же]. Автор намеренно утрирует наивность восприятия героини, вводя прием остранения. Такая установка располагает читателя, снимает комплекс непосвященности. Вместе с героиней Верой читатель обретет новое знание.

Героиня, совершенно неискушенный в вопросах религии человек, суеверно считающий цифры в номере автобуса «на удачу» («Я сама виновата: сегодня села в автобус с номером... сумма цифр там была тринадцать! Так и знала, что не повезет. Ведь хотела пропустить этот номер, но побоялась опоздать» [там же]), получает от Бога по своей вере. Ни разу не усомнившись в том, что заказанный молебен сотворит обещанное чудо, Вера действительно почти сразу же обретает желаемое: любящего мужа (не какого-нибудь, а такого, в котором «очень понравилось все»), ребенка и общие планы на будущее. Для Всевышнего нет невозможного. Чудо случается как с православной верующей Еленой, разбирающейся в церковной жизни, так и с поверившей в возможности Всевышнего, далекой от церкви Верой. Автор не случайно выбирает и имена своим героям: Елена – «несущая свет» – оказывается для Веры (имя говорит само за себя, отражает внутреннее состояние героини) своеобразным проводником в мир истинных ценностей и бесконечных возможностей, которые открываются верующему человеку. Анализ этого рассказа приводит нас к выводам о том, что столь прямолинейная фабула основывается на «жанровой памяти» не литературного, но церковного жанра – «рассказа о чудесах»⁵, которые являлись обязательным элементом житийных текстов. Автор в подобного рода произведениях предстает носителем некоего тайного знания, которое транслирует через инстанцию рассказчика, в это новое знание читателя посвящающего. Событием в таком тексте (в лотмановском понимании – как «перемещение персонажа через границу семантического поля» [Лотман 1970: 282]) становится обретение героями буквально нового знания, истинной веры через познание милости и промысла Божьего.

Вообще, автобиографические по своей изначальной установке произведения Н. Горлановой, где героиня и ее семья являются носителями христианских взглядов и ценностей, тяготеют к протожанрам молитвы и исповеди⁶. В литературном жанре исповеди исследователи выделяют несколько типов: исповедь-биографию, исповедь-раскаяние, исповедь-покаяние. Исповедь-биография определяется как произведение, в котором автор повествует о своем пути, о приобретенном опыте, о состоянии своей души [Пригарина 2011], а «исповедальное начало присутствует как момент построения целого, как литературный прием, как особая интонация» [Михайлова 1997: 11].

Представляется, что «Повесть Журнала Живаго» (2009) восходит к жанру «исповеди-биографии». В основе повести лежит реальная история из жизни писательницы, история судебной тяжбы, которая стала настоящим испытанием для семьи писателей – Н. Горлановой и В. Букура. Материалом повести становятся реальные дневниковые заметки писательницы из ее блога в Живом Журнале, где она отражала хронику событий судебного разбирательства. Повесть внешне сохраняет форму блоговых постов. Этот прием призван способствовать эффекту максимальной достоверности. Форма дневника предполагает исповедальную манеру, доверительную интонацию. Отличительной чертой повести становится ориентация еще на один протожанр церковной литературы – молитву.

Тексты молитв – канонических, а также «авторских» – организуют композицию повести: повествование начинается и заканчивается словами молитвы. С предъявления главным героям обвинений начинается история в жизни, а повествование начинается с неожиданного диалога с Всевышним: «Господи, ну чего я хочу от этих милиционеров?! Ведь Ты их уже наказал – лишил совести» [Горланова 2009]. Молитвы героев, прямо или косвенно, сопровождают основную линию повествования, все критические, наиболее тяжелые моменты сопряжены с молитвой. Молитва героини звучит в ту минуту, когда она перестает чувствовать поддержку мужа: «Да мало ли чего я думала до суда... Господи, держи, держи меня за руку!» [там же].

В целом, повествование прочитывается как история христианского испытания. Через призму христианского сознания героиня пытается осмыслить случившееся с ней несчастье. Вера помогает героине справляться с испытанием; по-христиански трактуя происходящее как искушение, она противопоставляет вере несчастье атеизма: «Еще счастье, что я сейчас верующая и по-

нимаю: это просто бесы, бесы налетели. А то бы с ума сошла от таких мерзостей. Помню, в бытность атеисткой, не могла спокойно предательство друга пережить <...> Я думала тогда, что умру...» [там же].

Героиня постепенно приходит к пониманию главного, разгадывает промысел, обретает новое знание и новое качество веры – истинное смирение и готовность к всепрощению. В конце повести она признается, что не знает, за что ей было послано это испытание, и понимает: раз оно случилось, значит, Богу так было угодно: «Значит, нет никаких случайностей, и суд был послан не зря, и не мое это дело – до конца понимать, задавать вопросы (для чего, почему)... Не дело человека – все понимать...» [там же].

Героиня начинает без ропота принимать Божью волю. В финале она демонстрирует обретенную духовную зрелость: «Зато на суде впервые молилась за врагов: за соседей, судью, прокурора», «Только молюсь: Господи, сделай так, чтоб кукловоды стали человечнее, прошу Тебя... Научилась молиться за своих врагов – не так уж мало. Да ведь?» [там же]. Эта своеобразная авторская молитва в виде стихотворения главной героини завершает повесть: «Господи, я знаю, что люди, // Живущие рядом, // Называются соседями, // А не ангелами. // Но прошу Тебя: // Сделай так, // Чтоб я никогда // Не называла их врагами!» [там же].

Таким образом, христианская тематика у Горлановой влияет на текст непосредственно – через речевые жанры⁷ православной культуры: жития, молитвы, исповеди. В каждом тексте с христианской направленностью можно увидеть авторскую установку на протожанры. Так, в повести «Коса с небес», «Повести о герое Василии и подвижнице Серафиме», рассказах «Чур», «Акушерочка» прослеживается жанровая модель «жития святых»⁸.

Анализ показал, что христианская тематика открывает новые аспекты в творчестве Н. Горлановой. Тема христианской веры выстраивается в сквозной сюжет «исследования веры», что отражается в тематике произведений, творческом поведении писательницы. В «исследовании веры» Горланова опирается на традицию церковной литературы. Ориентация на иконные жанры позволяет современному автору высвечивать глубинные подтексты банальных, узнаваемых историй, наполнять бытовые истории бытийным смыслом.

Примечания

¹ Материал подготовлен в рамках проекта №005-П Программы стратегического развития

Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета Министерства науки и образования РФ.

² На базе научных центров организуются тематические конференции («Православие и русская культура», 1994), выпускаются сборники научных статей и монографии, защищаются диссертации (см.: [Любомудров 2003; Котельников 1994; Золотухина 2010]).

³ См. также статьи: [Малецкий 2007; Шишкова-Шипунова 2008 и др.]

⁴ Фильм «Остров» (реж. Павел Лунгин, 2006) становится в 2006 г. лучшим на кинофестивале «Московская премьера». В 2009 г. одновременно выходит сразу несколько фильмов, поднимающих тему религии и веры: «Чудо» (реж. Александр Прошкин, 2009), «Царь» (реж. Павел Лунгин, 2009), «Поп» (реж. Владимир Хотиненко, 2009). Все они отмечены рядом наград и премий на различных кинофестивалях. В музеях современного искусства ежегодно проходят выставки, связанные с религиозной тематикой: «Верю» Олега Кулика (2007), «Евангельский проект» Д. Врубеля и В. Тимофеевой (2008) или шумевшая выставка Марата Гельмана «Icons» (2013).

⁵ «Рассказ о чуде» является не самостоятельным жанром, а элементом других жанровых форм, например, житий, хроник, мистических видений, сборников. В поэтике житий рассказы о чудесах получают несколько функций: свидетельствуют о факте, напоминают об основах вероучения и наставляют на путь истины, отвращают от греха. Признаками чуда теологи (богословы) обычно признают следующие моменты: его реальность, достоверность; его сверхъестественность, трансцендентность; принципиальную непознаваемость этого проявления Божественной воли [Валентинова, Кореньков 2000: 16–17].

⁶ Исповедь – одно из таинств христианской религии, в ходе совершения которого верующему прощаются совершенные им грехи и дается благодатная помощь на исправление жизни [Практическая энциклопедия православного христианина: основы церковной жизни 2003]. Для литературного жанра исповеди, а также для других производных жанров – автобиографий, мемуаров и дневников – жанр религиозной исповеди становится протожанром.

⁷ М. М. Бахтин ввел понятие речевого жанра (высказывания) как единицы коммуникации. Он выделяет две категории речевых жанров: *первичные* (простые, как правило, устные) и *вторичные* (сложные, преимущественно, письменные). «К речевым жанрам мы должны отнести и короткие реплики бытового диалога, и бытовой рассказ, и

письмо, <...> и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа)» [Бахтин 1979: 257].

⁸ Житие святого – повествование о жизни святого, созданием которого обязательно сопровождается официальное признание его святости (канонизация). Житие имело стандартную сюжетную структуру: вступление; благочестивые родители героя; уединение героя и изучение святого писания; рассказы о деяниях и чудесах, благочестивая смерть; посмертные чудеса [Насонов 1969].

Список литературы

Абашева М. Биография свободы. Свобода биографии // Новый мир. 2003. №11. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/11/abasheva.html (дата обращения: 08.08.2013).

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 237–280.

Бердяев Н. А. О русских классиках. М.: Высш. шк., 1993. 368 с.

Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 43–271.

Валентинова О. И., Кореньков А. В. Стиль «плетение словес» в контексте истории русского литературного языка и литературы Древней Руси. Епифаний Премудрый «Житие Стефана Пермского». М.: Изд-во РУДН, 2000. 160 с.

Горланова Н. Закажите молебен просительный // Новый мир. 2002а. №9. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/9/gorl.html (дата обращения: 08.08.2013).

Горланова Н. Нельзя. Можно. Нельзя: роман-монолог // Знамя. 2002б. №6. С. 6–69.

Горланова Н. Повесть Журнала Живаго // Стороны света. 2009. №10. URL: <http://www.stosvet.net/10/gorlanova/> (дата обращения: 08.08.2013).

Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 2005. 368 с.

Золотухина О. Ю. Религиозный поиск В.П. Астафьева в контексте творческой эволюции писателя: дис. ... канд. филол. наук (на правах рукописи). Красноярск, 2010.

Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. М.: Скифы, 1991. 216 с.

Котельников В. А. Православие в творчестве русских писателей XIX в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1994. 40 с.

Лотман Ю. М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Избр. ст.: в 3 т. Таллинн: «Александра», 1993. Т. 3. С. 127–137.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. 384 с.

Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 272 с.

Малецкий Ю. Случай Штайна: любительский опыт богословского расследования. Роман о романе // Континент 2007, №133. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2007/133/ma2.html> (дата обращения: 02.12.2013).

Мочульский К. В. Великие русские писатели XIX в. СПб: Алетейя, 2000. 160 с.

Михайлова М. В. Молчание и слово: таинство покаяния и литературная исповедь // Метафизика исповеди: пространство исповедального слова: материалы междунар. конф. (Санкт-Петербург, 26–27 мая 1997 г.). СПб.: Изд-во Ин-та человека РАН, 1997. С. 9–14.

Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 556 с.

Практическая энциклопедия православного христианина: основы церковной жизни. СПб., 2003. 330 с.

Пригарина А. С. Религиозная исповедь как прототип общелитературных жанров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 5 (11): в 4 ч. Тамбов: Грамота, 2011. Ч. II. С. 148–152. URL: <http://www.gramota.net/editions/3.htm> (дата обращения: 26.07.2013).

Степанян Е. «Это мы, Господи». О дилетантах, профессионалах и мировом холоде // Знамя. 2010. №2. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/2/st15.html> (дата обращения: 20.07.2013).

Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М., 1931. С. 136–137.

Флоровский Г. В. Пути русского богословия. VI. Философское пробуждение // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 272–378.

Христианские ценности и современная литература: отчет о заседании круглого стола от 04.12.2009. URL: http://xbo-ml.ru/news_xbo/report/ (дата обращения: 26.07.2013).

Шшикова-Шипунова С. Возвращение "батюшек" О «Боге дождя» // Знамя 2008. №2. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/2/sh12.html> (дата обращения: 20.07.2013).

CHRISTIAN MOTIVES AND GENRE POETICS OF THE PROSE BY NINA GORLANOVA

Marina P. Abasheva

Professor of Contemporary Russian Literature Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University

Yulia Yu. Danilenko

Reader of Contemporary Russian Literature Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University

Anastasia L. Esaeva

Post-graduate Student of Contemporary Russian Literature Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University

In this article the creative works by the Perm writer Nina Gorlanova are considered within the framework of one of the most notable trends of the contemporary literary process – in the context of a new writers' interpretation of a Christian, Orthodox perspective in the changed socio-cultural situation. The Christian motifs of N. Gorlanova's creativity are analysed in the context of the poetics and evolution of the writer's creative method: the Christian faith theme is built in the cross-cutting theme of "faith research" and determines changes in the worldview of the author. The traditional genres of religious literature (confession, prayer, life, etc.) are identified as the bases of the works.

Key words: Christian problematics in literature; contemporary prose; Nina Gorlanova; genre poetics.